

ВЕНГРИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОЙ СЕКЦИИ МОРПа

Статья и публикация О. К. Россиянова

Венгерская секция была одной из старейших в МОРПе. Еще в 1925 г. несколько революционных венгерских поэтов и писателей объединились в венгерскую секцию МАППа. А в следующем году образовался уже международный Союз венгерских революционных писателей и художников, который и составил в 1930 г. венгерскую секцию МОРПа.

Раннее возникновение венгерской революционной писательской организации неудивительно. Известно широкое участие бывших венгерских военнопленных в Октябрьской революции и гражданской войне в Советской России. Среди них оказались и будущие — или уже начинающие — писатели, как, например, Матэ Залка, который попал в русский плен еще в 1916 г. и прошел чуть не по всем фронтам гражданской войны, или Фридеш Карикаш, сражавшийся в Москве в дни октябрьских уличных боев 1917 г. Кроме того, в начале 1920-х годов Советское правительство предприняло широкую акцию по спасению политических заключенных из хортистских тюрем путем обмена их на бывших военнопленных венгерских офицеров. Так в 1921—1922 гг. попали в Советский Союз критик Янош Матейка; бывший рабочий-печатник Лайош Киш, тоже участник венгерской пролетарской революции 1919 г. (о которой он написал потом роман «Красный город», 1931); последовавшая за своим мужем-революционером (Э. Цобелем) поэтесса Шаролта Лани.

В Советском Союзе оказались также многие венгерские литераторы, покинувшие родину после падения Советской Венгрии в 1919 г. Путь их в Москву был сложен. Одни из них уже вскоре вынуждены были переехать в СССР (в 1923 г. из Чехословакии и Вены — Бела Иллеш, поэт Эмиль Мадарас, журналист и критик Янош Маца, в 1925 г., тоже из Вены, — поэт и прозаик Шандор Барта). Другие дольше оставались в западных странах. Так, высланный в 1925 г. из Вены публицист, критик, поэт и прозаик Андор Габор жил до прихода германского фашизма к власти в Берлине, где принимал участие в деятельности Союза немецких пролетарских писателей. Там же работали до 1929 г. философ и литературовед Дёрдь Лукач, известный тогда — по немецкой форме его имени — как Георг Лукач, до 1930 г. — прозаик Йозеф Лендел, до 1933 — Бела Балаж. В Австрии, а потом до 1929 г. в Румынии (Трансильвании) участвовал в революционной борьбе прозаик Мозеш Кахана.

Некоторые писатели революционной венгерской эмиграции оставались в Западной Европе и Америке до конца своих дней или вплоть до освобождения Венгрии в 1945 г. До 1933 г. в Берлине, а затем в Париже жили, например, поэт и публицист Аладар Комьят, журналист Андор Рез, в Нью-Йорке — журналист и писатель Янош Детвай. Из таких революционных литераторов-эмигрантов в значительной мере составились отделения (или во всяком случае инициативные руководящие кадры отделений) Союза венгерских революционных писателей в капиталистических странах: в Австрии и Германии, США и Франции.

Наконец, революционная писательская эмиграция в СССР — это главное ядро венгерской секции МОРПа — пополнялась и за счет новых эмигрантов из самой Венгрии. В 1925 г. по указанию партии покинул страну и приехал в Москву участник нелегального коммунистического движения поэт Антал Гидаш, автор широко известных в 1920—1930-х годах в Венгрии и Советском Союзе революционных песен. В 1931 г., спасаясь от ареста, сюда же эмигрировал прозаик Шандор Гергей.

В начале 1930-х годов венгерская секция МОРПа насчитывала около 60 членов; 90 процентов из них были коммунисты. Как старье (большей частью) члены партии, — конечно, в западном, а не русском смысле ¹, — обладавшие практическим опытом революционной борьбы, многие венгерские писатели-эмигранты заняли видное положение в советских литературных объединениях и в МОРПе. Иллеш, как известно, был его генеральным секретарем, членом редколлегии журнала «Литература мировой революции» (а до этого — заместителем редактора «Вестника иностранной литературы»); Гидаш — членом президиума МОРПа и заместителем редактора «Литературы мировой революции»; Комьят — кандидатом в члены президиума МОРПа; Матейка — членом его секретариата (а до того — членом МБРЛ). Входили они также в разное время в правление МАППа, РАППа, в редакционные советы различных советских издательств и в редколлегии журналов.

Характер и направление деятельности венгерской секции, естественно, определялись общими задачами МБРЛ и МОРПа. Тем более, что работой секции и названными организациями руководили часто одни и те же лица: Гидаш был секретарем секции; Матейка, Иллеш, Залка — членами редколлегии ее журнала «Sarló és Kalapács» («Серп и молот»; выходил он в 1929—1937 г. тиражом в 2000—3700 экземпляров). В связи с этим деятельность венгерской секции МОРПа приобретает и особый интерес: она как бы проливает дополнительный свет на цели, задачи этой международной организации, позволяет на «венгерском» материале лучше понять стремления ее участников.

В общем, по своим литературно-политическим взглядам, игравшие инициативную роль в венгерской секции и МОРПе многие революционные писатели-эмигранты (Иллеш, Гидаш, Залка, Матейка, Мадарас, З. Липпай и др.) были близки к РАППу, членами которого большей частью состояли. Считавшийся «теоретиком венгерской пролетарской литературы» Матейка, например, как отмечалось печатью того времени, «в боях, происходивших внутри венгерской революционной литературы», всегда проводил рапповскую линию ², которая и одерживала верх в секции.

«Бои», о которых здесь упоминается, разгорелись — в связи с выходом в 1926 г. альманаха Союза венгерских революционных писателей «Серп и молот» — вокруг двух вопросов: о роли литературы в общепартийных делах и о художественной форме революционной литературы. Оба были решены в секции в значительной мере упрощенно, утилитаристски: по первому вопросу было выдвинуто требование прямого участия писателя в классовой борьбе, выполнения им конкретных политических заданий; по второму — утверждалось, что главное в доступности, простоте, исключительной сколько-нибудь сложные творческие поиски, художественный эксперимент (в данном случае имелся в виду экспрессионистский). В духе отождествления литературы с политикой, а эстетики с философией решались потом и многие другие сложные вопросы художественного творчества и литературной борьбы в Венгрии, в чем, бесспорно, прямо отражалось рапповское влияние.

Не задаваясь здесь целью исследовать, в чем, когда и насколько революционные венгерские писатели повторяли вульгаризаторские рапповские установки, укажем лишь, что их литературная деятельность этим далеко не исчерпывалась — она вообще никак не укладывается в рамки левацких схем. Правда, все они в пылу полемики, обладая слабой теоретической вооруженностью, подхватывали и подчас еще больше мельчили, упрощали сами по себе достаточно упрощенные тезисы, примитивные готовые формулировки. Однако из этого еще не следует, что они были только узкими начетчиками-догматиками. Писатели, как известно, не всегда умеют и могут быть теоретиками и «политиками» (в которых пытались их превратить рапповские деятели). И члены венгерской секции МОРПа, к счастью, тоже не умели быть только «поли-

«КРАСНОАРМЕЙЦЫ, ВПЕРЕД!»

Плакат Бела Уйтца, 1919

Собрание художника, Москва

тиками», а оставались еще и талантливыми революционными писателями, которые иногда «поправляли» в них плохих политиков. Во многих их «теоретических» спорах, «фракционных» и «антиклянистских» боях, да и в художественном творчестве подчас, явно или подспудно, со схемой борется живая жизнь, требования которой они чувствовали и старались уловить, выразить в своих выступлениях и в своих произведениях.

Матейка, Иллеш (как он сам потом признавал ³) склонны были переоценивать силы и художественный уровень революционной литературы. Матейка, например, популяризовавший рапповский «призыв рабочих-ударников в литературу», видел главный ее источник и писательскую почву в рабкорах; он же укорял Я. Мацу за то, что Т. Манн как художник занимает его (в книге «Литература и пролетариат на Западе») больше, чем Б. Иллеш ⁴. А сам Иллеш на Харьковской конференции МОРПа решительно ставил «литературную продукцию» Союза венгерских революционных писателей «гораздо выше продукции современных венгерских буржуазных писателей»⁵.

Чересчур ригористично в связи с этим судили они недостаточно «выдержанных» друзей и возможных своих «попутчиков», порой даже прямо отталкивая их от революционной литературы. Известно, например, неизменно отрицательное, даже резко враждебное отношение Союза венгерских революционных писателей (и потом венгерской секции МОРПа) к главе венгерских экспрессионистов, поэту Л. Кашшаку. У Кашшака, действительно, и тогда и раньше, в 1919 г., были серьезные расхождения с венгерской компартией; в его мировоззрении имелись путаные, анархистские черты. Едва ли верно, однако, было в своем отношении к нему руководствоваться исключительно его идейно-политической позицией, совершенно проходя мимо творчества, в котором звучали гуманистические, коллективистские, стихийно-демокра-

тические и стихийно-социалистические мотивы. Известно также, что в «Проекте платформы венгерской пролетарской литературы», составленном в 1931 г. руководством венгерской секции во главе с Матейкой, несправедливо, на основании случайных и неправильно толкуемых политических фактов, провозглашался сподвижником реакционеров революционный поэт Аттила Йожеф⁶. Под влиянием таких же преходящих обстоятельств предавался на страницах журнала «Sarló és Kalapács» гражданской казни и писатель-демократ Жигмонд Мориц.

Обращаемая в прошлое, в историю литературы, эта «революционная» (через несколько «р») нетерпимость приводила к тому, что в том же «Проекте платформы», например, бралась под защиту сектантская позиция социал-демократического поэта (впоследствии ренегата) Чизмади, который отталкивал от рабочих литературы и печати выдающегося венгерского поэта начала века Эндре Ади. Известный же позже (и раньше) отнюдь не «рапповскими» выступлениями Лукач, формулируя в статье о том же «Проекте» отношение к классическому наследию, беспощадно разделялся с венгерскими художниками-реалистами прошлого и настоящего (Миксатом, Броди, Морицем) и заявлял решительно: «В венгерской литературе после 1837 года нет классиков, у которых можно учиться пролетарскому писателю»⁷. Но и другие, не реалистические формы, способы изображения в статьях и выступлениях венгерских революционных критиков и писателей того времени удастаивались лишь пренебрежительного наименования: «мелкобуржуазный романтизм».

Однако история революционной венгерской эмиграции, ее общественная и творческая деятельность тех лет предлагает не меньше, если не больше фактов иного, исторически гораздо более глубокого смысла и значения. Была отвлеченная «левая» абсолютизация, универсализация «рабкоровского» движения — и были реально выдвинутые этим движением, пусть немногие, писатели (Л. Киш). Было подчас неумение — тем более из эмиграции, из Москвы — конкретно разобраться в сложнейших хитросплетениях литературной борьбы «на месте», в Венгрии, но было и желание, сознание необходимости «искусной, тактичной, полной понимания политики» в отношении левой художественной интеллигенции⁸, — желание, которое всегда поддерживалось А. В. Луначарским, Бела Куном. С жаром полемизировавший с «оппортунизмом» Барбюса, Б. Иллеш вместе с тем на Харьковской конференции твердо и во всеуслышание отклонял «непозволительную форму нападок» (А. Габора) на французского писателя⁹. Разделявший общее недоверие революционной венгерской эмиграции к Кашшаку, не раз бичевавший Морица за политическую неустойчивость, Гидаш сочувственно цитировал на той же конференции письмо крупного венгерского поэта Дюлы Ййеша и со всей убежденностью заявлял: «... лучших представителей мелкобуржуазной интеллигенции (<...> нам отталкивать нельзя, а наоборот надо их привлечь <...> И я думаю, что задача революционной литературы тогда будет выполнена, если, кроме большинства рабочего класса, мы завоеваем еще большинство той левой интеллигенции и мелкой буржуазии, которая переживает сейчас острейший кризис, и мы должны завоевать ее посредством наших произведений»¹⁰.

В том же «Проекте платформы венгерской пролетарской литературы», внешне противореча себе, но по сути противопоставляя здоровые, реальные потребности мужажущей революционной литературы исторически преходящей, отживающей «пролеткультовской» схематике, авторы призывали «диалектически учиться у буржуазных классиков», особенно у «французских и русских писателей-реалистов», а из венгерских — у Катоны и Этвеша, Петефи и Араня, Миксата и Морица¹¹. И в противоположность собственному же доверию к Чизмади здраво, без язвительных фраз о «мелкобуржуазном романтизме» оценивали ожесточенно-бунтарскую, насыщенную сложной экспрессивно-символической образностью поэзию Ади¹². Не третировался в дальнейшем в журнале «Sarló és Kalapács» и Йожеф, а прогрессивные писатели Кодолани, Ййеш, Л. Надь всегда упоминались как ближайшие литературные соратники¹³.

Союз венгерских революционных писателей и художников (позже — венгерская секция МОРПа) был «отчетливо выраженной эмигрантской организацией»¹⁴, работавшей в более сложных условиях, чем, например, Союз пролетарских писателей Германии (до 1933 г.), и потому сравнительно малочисленной. Связь с хортистской Венг-

ИМРЕ ШАЛЛАИ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

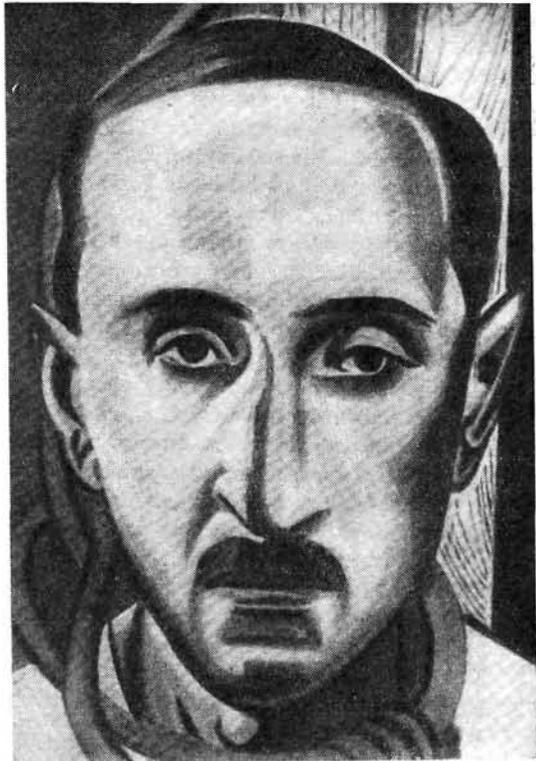
Рисунок (темпера) Бела Уитца, 1932

Эрмитаж, Лейпциг

Венгерский революционер Шаллаи

был казнен 29 июля 1932 г.

в Будапеште

рией, с ее прогрессивными и революционными писателями была затруднена, осуществлялась нелегально; а сколько-нибудь прочная организация этих писателей в стране была почти невозможна. История литературного движения в хортистской Венгрии знает только одну, но зато удачную попытку организации в то время центра революционного литературного «притяжения». Это был руководимый из подполья коммунистами и три года (с осени 1927 г. до ареста редактора и закрытия осенью 1930 г.) легально выходивший в Будапеште литературный и культурно-политический журнал «100%».

По своему направлению и практической литературной «политике» журнал этот так же не вполне укладывается на прокрустово ложе сектантских схем, как и все венгерское революционное литературное движение. Получая статьи и художественный материал от венгерской эмиграции Москвы, Вены, Берлина¹⁵, журнал посредством личного общения и организованных вечеров и дискуссий находил авторов и, во всяком случае, сочувствующих также среди радикальной интеллигенции самой Венгрии¹⁶. Рапповская односторонность оказывала, конечно (и не могла не оказывать), на «100%» свое влияние, порождая и в нем нетерпимость, упрощения (в частности в отношении того же Морица). Но журнал умел проявлять и эстетическую чуткость к новым, интересным явлениям венгерской и мировой литературы: отдавал должное крестьянскому писателю Яношу Кодолани, защищал от националистических фальсификаторов Ади, с самым глубоким уважением писал о Горьком (как раз, когда он подвергался рапповским нападкам), о Шолохове и Нексё, об Э. Синклере и Эренбурге¹⁷. Как и «Вестник иностранной литературы», он довольно широко представлял на своих страницах передовую зарубежную литературу: печатал Бехера и Вайскопфа, Волькера и Гашека, Мюзаму и Толлера, Л. Хьюза и Пискатора, а также советских писателей (что в хортистской Венгрии было особой заслугой журнала): Маяковского, Гладкова, Панферова, Тихонова, Инбер, Бабеля, Н. Огнева, Эренбурга и других. Своей во многом новаторской прогрессивной деятельностью журнал «100%» завоевал искреннее уважение, и, когда редактора его, Аладара Тамаша, арестовали, множество венгер-

ских литераторов подписало просьбу о его освобождении, давая за него «моральное ручательство»¹³.

Революционная венгерская литература привлекала потому, что в ней за требованиями голый «актуальности», «стопроцентной идеологической выдержанности», «диалектико-материалистического» художественного метода и другими неуклюжими рапповскими формулами часто стояло — как и у многих лучших, талантливых писателей самого РАППа — желание создать литературу новую, приближающую социалистическое освобождение человечества. И революционные венгерские писатели вместе с их товарищами из других стран действительно были художниками совсем нового типа: писателями не «потерянного» поколения, а обретшего себя в борьбе за коммунизм, — людьми нового, социалистического «ренессанса». Они делом участвовали в этой борьбе, целиком отдаваясь ей и не проводя непроходимой грани между киркой, оружием и пером.

Карикаш, писавший хорошие рассказы о бойцах венгерской Красной Армии 1919 г., был директором фабрики, а затем треста в Москве. Писатель Залка с началом войны против фашизма в Испании стал «генералом Лукачем». Иллеш со всем пылом души отдавался проведению кампаний за освобождение из тюрем Бехера и Каханы, Дёрдя Лукача и Золтана Липпая. Величайшей наградой для Гидаша всегда было то, что его песни на устах венгерских рабочих участвуют в революционной борьбе, крепят их сознание, ведя на «последний, решительный бой» с угнетением. Такие же чувства побуждали Андора Габора, Мадараса или Белу Балажа обращаться в годы второй мировой войны со своим словом по радио или со страниц стихотворных сборников-брошюр к обманутым венгерским солдатам.

Характерно, что и журнал венгерской секции («Sarló és Kalapács») был не литературно-художественным, а больше агитационно-политическим (он так и назывался — «политический и художественно-литературный журнал»). Неумолимо воевал он с хортистской реакцией, популяризировал славные традиции пролетарского интернационализма (из номера в номер печатались воспоминания венгерских участников гражданской войны в России); освещал достижения Советского Союза — этой «великой баррикады» между буржуазией и пролетариатом. Собственно художественных произведений в журнале было сравнительно мало. Но все это отнюдь не оттого, что венгерские революционные писатели намеренно «принижали» искусство, хотели бы подменить его политикой, «поззией» сделать, так сказать, прозой, «агиткой», а МОРП — МОПРОМ. Нет, все это потому, что сама жизнь, пролетарская классовая борьба и строительство социализма обладали для них возвышенным, поэтическим содержанием, которое они и стремились разными способами донести, выявить, в том числе и художественно. Лучшие из них искренне — и не без успеха — старались, пользуясь словами Луначарского на первой Международной конференции революционных писателей (которые все они восприняли с одушевлением), «соединить <...> с четкостью мирозерцания пролетарского писателя <...> высокое искусство мастера и специалиста литературы», развить «социальной реализм» революционной литературы¹⁹ до высоты, достойной великой переломной эпохи.

Матэ Залка, написавший по рецептам и «социальным заказам» рапповской критики немало слабых, скороспелых «актуальных» рассказов (и мучившийся тем, что он из-за этого — «самый что ни на есть писатель-средняк»²⁰), умел, когда тема отвечала его дарованию, вдохнуть в свои произведения теплый лиризм, подымавшую их над «средним» уровнем проникновенную революционную романтику. Гидаш, ломавший копыта за «малые», агитационно-боевые формы в поэзии, во-первых, сумел и в этом жанре подняться до настоящего искусства²¹. А во-вторых, он же в 1929—1936 гг. создал популярный до сих пор роман «Господин Фицек» со всеми признаками «большой» реалистической формы: разветвленным социальным обобщением, сложными человеческими характерами, искусным сплетением лиризма, юмора и сатиры. В середине 1930-х — начале 1940-х годов появляются и лучшие романы Залки («Добердо»), Иллеша («Карпатская рапсодия»), Ш. Барты («Золотоискатели»); расцветает лирика Балажа, Гидаша, Комьята, Габора, Лани.

Правда, этот расцвет, эта подлинная творческая зрелость революционных венгерских писателей относится в основном к тому времени, когда ограничительные рапповские схемы уже пали и дарование их могло свободно развернуться, — когда (после Первого Съезда советских писателей) и сама венгерская секция МОРПа прекратила свое существование, а члены ее в Советском Союзе — впрямь до освобождения их родины — вошли в Союз советских писателей. Но несомненно также, что зрелые и обогатившие современную венгерскую литературу произведения Гидаша, Карикаша, Балажа, Залки и других в немалой мере были подготовлены той мировоззренческой закалкой, тем революционным самосознанием — ощущением себя бойцами созидającego свободного общества и свободную литературу писательского «Интернационала» (по выражению Залки), — которые дал им МОРП.

Хранящиеся в рукописном отделе ИМЛИ материалы, связанные с деятельностью венгерской секции МОРПа, не дают сколько-нибудь полной картины ее работы. Из них для публикации в настоящем томе отобрано несколько документов, которые представляют, однако, исторический и биографический интерес.

Письмо секретаря нью-йоркского отделения секции Имре Балинта — он был журналистом и начинающим писателем, автором романов «Альфа», «Бета», «Гамма» (1930) из жизни американских рабочих — приоткрывает некоторые полузабытые страницы революционного литературного движения в США. Венгерские писатели, которые оказались после падения Венгерской Советской республики 1919 г. в США, стремились наладить связь друг с другом, воспитать там революционную аудиторию из рабочих, интеллигентов, в разное время покинувших Венгрию. Аудитория же эта по сравнению с другими странами могла быть в Америке самой многочисленной. Непрерывно пополнявшаяся во времена режима Хорти венгерская эмиграция в США насчитывала около 1,5 миллиона человек. В Соединенных Штатах издавалось несколько коммунистических газет на венгерском языке, имевших (как мы узнаем из письма) группу своих рабочих корреспондентов даже на Кубе.

Письмо Андора Габора Шандору Барте, быть может, не очень характерно для него, поэта и публициста более широких взглядов, с 1938 г. редактора нового литературного журнала венгерской писательской эмиграции в Москве, «Új Hang» (1936—1941), направление которого определялось принципами антифашистского Народного фронта. Письмо Габора относится к более раннему периоду его идейного развития и отражает — мы говорим об отношении автора к ВАППу — ту односторонность, за которую его критиковали на Харьковской конференции. Вместе с тем недостаток этот в какой-то мере является продолжением «достоинства»: оценка ВАППа — в преувеличенно-заостренной форме — выразила также уважение левого интеллигента к революционной литературе, неприятие буржуазной идеологии, искусства. В этом же смысле следует, очевидно, понимать содержащиеся в письме соображения о художественно-эстетическом характере революционных произведений, изображающих капиталистическую действительность, которые по духу своему должны быть «оптимистической трагедией» (прибегая к известному в советской литературе определению).

Автобиографические записи Шандора Барты пополняют сведения о жизни и творчестве этого видного представителя венгерской писательской эмиграции в Москве, проделавшего сложный путь от экспрессионизма к реализму. Подготовленные, по-видимому, для Союза советских писателей, документы эти показывают его горячий интерес к Советской стране, его органический путь в коммунистическое движение и революционную литературу. В них содержится также ценная авторская характеристика собственной художественной манеры и библиография произведений, сбор и изучение которых в Венгрии и Советском Союзе сейчас начинаются (в рукописном отделе ИМЛИ хранится также богатое собрание рукописей произведений Ш. Барты, частично использованных при подготовке первого в Венгрии издания его избранной прозы в 1959 г.).

Наконец, письма Залки, Гидаша, Иллеша в «Пионерскую правду», а также «Сказка» Балажа говорят о горячем желании принять участие в созидательной работе, кипевшей в отечестве социализма, включиться в литературную жизнь страны, которая для всех них стала в 1920—1930-х годах второй родиной. Как и признания Барты, они

(в особенности «Сказка» Балажа) обогащают наше представление о том, как много — человечески и творчески — дала революционным писателям советская действительность, советская литература. В архиве ИМЛИ имеются и другие, хотя и более частного значения документы того же рода, — об участии А. Гидаша в жюри конкурса Наркомпроса и ЦК ВЛКСМ на лучшие пионерские песни в 1934 г.; об участии Залки в коллективизации, в работе Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), о его живом интересе к «оборонной» теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коммунистическая партия Венгрии была создана в ноябре 1918 г.

² См.: «Литература и искусство», 1930, № 2, стр. 123—124.

³ См. его статью: «Луначарский и Международное объединение революционных писателей». — «Sarló és Kalarács», 1934, 2. sz., 12. o.

⁴ См.: «Вестник иностранной литературы», 1928, № 4, стр. 141.

⁵ «Литература мировой революции». Вторая Международная конференция революционных писателей. Специальный номер. 1931, стр. 16.

⁶ См.: «Sarló és Kalarács», 1931, 6. sz., 55. o.

⁷ «Sarló és Kalarács», 1931, 9. sz., 57. o.

⁸ См.: Я. М а т е й к а. Задачи Международного бюро революционной литературы. — «Литература и искусство», 1930, № 2, стр. 107.

⁹ См.: «Литература мировой революции», специальный номер. 1931, стр. 18. В сообщении секретариата МОРПа об итогах конференции дополнительно упоминалось в связи с А. Габором о недопустимости игнорирования литературных союзников пролетариата (см. там же, стр. 4).

¹⁰ Там же, стр. 246.

¹¹ См.: «Sarló és Kalarács», 1931, 6. sz., 52. o.

¹² См. там же, стр. 53. Впрочем, об Ади еще в № 1 «Вестника иностранной литературы» (1928), в хроникальной рубрике «Запад и Восток» говорилось вполне объективно.

¹³ Добавим, что двое последних были по рекомендации венгерской эмиграции приглашены на Первый Съезд советских писателей.

¹⁴ «Литература и искусство», 1930, № 2, стр. 109.

¹⁵ В нем под псевдонимами сотрудничали Б. Кун, Й. Реваи, Д. Лукач, Б. Ландор, А. Габор, А. Комьят, А. Гидаш, Ш. Барта, Б. Иллеш, Э. Липшай.

¹⁶ В журнал писали А. Тамаш, Л. Геребьеш, Ф. Пакозди, Ш. Гергей, Л. Надь, Я. Кодолани, Э. Молнар и др.

¹⁷ См.: T a m á s Aladár. A 100%. Budapest, 1964, 27., 53—54., 56. o.

¹⁸ Я. Кодолани, Д. Ийеш, А. Йожеф, Л. Надь, Т. Дери, Ф. Каринти, Л. Фене, Б. Жолт, Ш. Марай и др. См.: «Tanulmányok a magyar szocialista irodalom történetéből». Budapest, 1962, 273. o.

¹⁹ А. В. Луначарский. Этапы роста советской литературы. — «На литературном посту», 1927, № 22, стр. 18, 20.

²⁰ «Литературная газета», 1932, № 45, 5 октября.

²¹ Песенный сборник его «Венгрия ликует» (1930) даже в несовершенных переводах покорил, в частности, А. В. Луначарского.

А. ГИДАШ О ВЕНГЕРСКОЙ СЕКЦИИ МОРПА^{1*}

Будапешт, 8.II.1968

⟨...⟩ Наибольшую роль в работе МОРПа из венгров играл, конечно, Бела Иллеш («генсек!»). За ним (из венгров же) следовал я как член Секретариата и заместитель главного редактора («redacteur suppléant») ежемесячного журнала, выходившего на четырех языках². Другие сравнительно мало участвовали в работе МОРПа, если не считать Магейку, который писал в журналы статьи, порой довольно слабые, «компенсируя» свои — декадентские, в сущности, — личные вкусы совсем уж нелепыми догмами (его постигла впоследствии трагическая судьба).

Нужно отметить еще важную деятельность Андора Габора — но не в МОРПе, а в его немецкой секции (в том числе в органе ее, журнале «Die Linkskurve»).

Что касается морповских секций, наиболее значительными были немецкая, французская, японская, китайская, североамериканская («New Masses»), словацкая, чешская, болгарская. Было и еще несколько секций (по восемь-десять членов), то возникавших, то распадавшихся, — то есть довольно «рыхлых» (точное число их легче установить по морповской переписке, чем по памяти, — если, конечно, переписка эта сохранилась целиком). Со всеми секциями мы регулярнейшим образом переписывались, а также оказывали им материальную (гонорарами через журнал) и моральную поддержку (в виде информации, советов, замечаний по разным дискуссионным вопросам и т. п.).

Многих из членов этих секций или сочувствовавших им мы, начиная с 1927 года, приглашали в Советский Союз (И. Бехера, Ф. Вайскопфа, Дос Пассоса, Барбюса, П. Истрати, Клементиса, Комьята, Кьюница, Майкла Голда, Арагона, Садуля, Э. Э. Киша, Э. Глезера, О. М. Графа, Новомесского, Бакалова и др. (можно, впрочем, заглянуть хотя бы в списки приглашенных на Международную Харьковскую конференцию). Провел МОРП и немало кампаний протеста в защиту арестованных революционеров, прогрессивных писателей.

С Венгрией связь (*непосредственная*) была слабой. Получали мы письма от писателей, выезжавших из Венгрии за границу, — иногда именно с целью переписки с венгерской секцией МОРПа (смотри письма Д. Ийеша 1926 г. ко мне из Парижа — а вернее, «не смотри», ибо они все пропали «во время оно»; или его же письмо 1930 г. из Вены, о котором я говорил на Харьковской конференции, — из предосторожности без упоминания имени³).

Личные связи с писателями, жившими в Венгрии, были очень спорадическими — легально мы переписываться с ними не могли; но через Вену (это было поручено там Д. Лукачу) снабжали художественными и прочими материалами венгерский легальный революционный журнал («100%»). Сбирать и переправлять их уполномочен был я. Венгерские художественные произведения появлялись в нем под псевдонимами, советские — под собственными именами авторов (письма Лукача по этим делам, как и протоколы венгерской секции МОРПа, тоже пропали; но из моих писем к Лукачу, возможно, что-нибудь сохранилось у него). Организатором журнала «100%», а также инициатором сотрудничества в нем венгерской секции МОРПа был *Бела Кун*.

Кроме того, попадали в Венгрию немецкие, английские, французские номера «Интернациональной литературы», и те, кто знал эти языки, читали их. Проникал туда и московский венгерский журнал «Sarló és Kalarács», где была рубрика «Пролетарская литература»; попадала «Проле-

* Перевод с венгерского О. К. Р о с с и я н о в а. Им же переведены с венгерского и немецкого языков остальные письма и документы настоящего раздела (за исключением «Сказки» Б. Балажа).

тарская сцена» («Proletárszínpad») — приложение к газете «Új Előre» (которое составляли опять-таки мы из Москвы). Об этом — в статье Д. Ийеша обо мне в апрельском номере журнала «Kortárs» за 1967 г. и в его же статье в «Korunk» (Коложвар) осенью 1931 г.

В редактировании «Пролетарской литературы» принимали участие — больше номинальное — Луначарский и Бруно Ясенский (см. решение МОРПа об этом в «Sarló és Kalapács»⁴).

Непосредственно в работе венгерской секции МОРПа советские политические деятели, критики, писатели участия не принимали; но косвенно с ней были связаны Луначарский, Фадеев, Селивановский, Анисимов, Динамов и др. Та или иная рецензия их, предисловие Луначарского, Серафимовича к какому-нибудь произведению венгерских писателей и т. д. — все это было поддержкой для венгерской секции.

Члены секции вообще были более или менее знакомы с социалистической эстетикой, со стремлениями, статьями, творчеством советских писателей; влияние с их стороны и проявлялось больше всего этим путем.

Надо упомянуть также предисловия, вступительные статьи Б. Куна к книгам живших в Москве революционных венгерских писателей⁵.

Значение венгерской секции МОРПа, помимо всего прочего, состояло в том, что *первые* возникла такая организация (подобной и после больше не создавалось!), которая *стремилась сплотить* всех пишущих по-венгерски революционных и сочувствующих им литераторов и художников. Секция с ними переписывалась, в основных вопросах в определенной мере направляла их деятельность, влияла на них — как в самой Венгрии, так и в странах, где имелось венгерское национальное меньшинство (Чехословакия, Румыния, королевская Югославия). Секция объединяла также *венгерских революционных писателей-эмигрантов* разных стран. Она поручала им или советовала участвовать в прогрессивном литературном движении своей страны; убеждала не отрываться от родной литературы; пропагандировала методы социалистического искусства; призывала к борьбе с вырождающейся формалистической литературой (не говоря уже, естественно, о реакционной).

Она имела, таким образом, отделения в Вене, Берлине, Париже, Праге, Нью-Йорке. Центр — Союз венгерских писателей и художников — находился в Москве; секретарем его выбрали меня. Переписка велась большая. В 1926 г. в Вене мы издали литературный альманах (хотели издавать его и дальше, но не было валюты) «Серп и молот» на 116 страницах. Посмотрите, какой был состав редколлегии и сотрудников: шестеро — из Чехословакии, трое — из Румынии, трое — из Франции, двое — из Америки, около десяти — из Германии и Австрии и около двенадцати жили в Москве⁶.

Венгерская секция МОРПа выпускала художественные произведения и отдельными изданиями (в Центриздате). Это были «Тисса горит» Б. Иллеша, «Венгрия ликует» А. Гидаша, «Хотим всего» А. Комьята, рассказы М. Залки и т. д.

Как я уже упомянул, с левыми писателями, жившими в полуфашистской Венгрии, установить *непосредственную* связь было невозможно (даже и косвенная была весьма затруднена). Союз венгерских писателей и художников как революционный литературный центр *вынужден* был находиться вне Венгрии. Но вследствие этого большинство левых венгерских писателей, живших там, не могло участвовать в руководстве деятельностью Союза. Многолетний же вынужденный отрыв от родины, со своей стороны, влиял на характер как творческой, так и организационной работы писателей, объединившихся в Союз. В силу всего этого и других обстоятельств Союз позже прекратил свое существование; но члены

«КОЛОНИИ КРИЧАТ». СБОРНИК
СТИХОВ А. ГИДАША (М., 1932)

Обложка

его все же до самого конца плодотворно трудились, создавая социалистическую литературу, а кто жив — трудится и сейчас.

Это — вкратце о венгерской секции МОРПа. Я не останавливаюсь на вспыхивавших в ней иногда разногласиях,— данные об этом можно найти в архивах.

Скажу только, что нельзя полностью отождествлять МОРП с РАППом, хотя МОРП и пользовался идейной поддержкой в первую очередь рапповского руководства. Но получал он ее, например, и от Луначарского!

Влияние РАППа и представленной в МОРПе рапповской линии не было и *не могло быть* стопроцентным (этого и сам РАПП не хотел). Ведь МОРП объединял писателей самого различного уровня, различных *убеждений, стремлений, взаимоотношений, политических оттенков, творческих методов*. Механически навязать им, потребовать от них все то, на чем настаивал РАПП, невозможно было бы даже при желании. *А мы и не желали делать этого!* И не делали. Достаточно просмотреть с этой точки зрения материалы Харьковской конференции (где, в частности, был впервые приехавший в СССР и очень еще близкий тогда к сюрреализму Арагон).

По-моему, МОРП сыграл значительную роль в организации всемирной революционной литературы — революционных и сочувствующих им писателей, во влиянии на них, которое достигло своего зенита в 1928—1933 гг. Дальше оно стало постепенно падать. А с 1935 г. эту (или сходную) задачу приняли на себя международные конгрессы прогрессивной интеллигенции (например Амстердамский).

Достоин внимания сам состав сотрудников «Интернациональной литературы»: от Теодора Драйзера до Иоганнеса Бехера; от Арагона до Дос Пассоса; от Романа Роллана до Анны Зегерс; от Барбюса до Го Мо-жо...⁷ Русское издание «Интернациональной литературы» знакомило советских читателей с произведениями передовых писателей мира — с революцион-

ной литературой; английское же, немецкое и французское — иностранных читателей с произведениями главным образом советской литературы и критики (но также и с переводными произведениями других литератур).

Были ли у МОРПа ошибки? Предоставляю копаться в этом расплодившимся ныне «ошибкоискателям». По-моему, их у МОРПа, в издававшейся параллельно на четырех языках «Интернациональной литературе» и в журналах секций было гораздо меньше, чем может представляться на *сегодняшний и антиисторический*, потому что определяемый *нынешними требованиями и нынешней ситуацией* взгляд. Фактом, во всяком случае, является то, что мы привлекали и поддерживали тех, кто был за нас или предположительно *подавал надежды*, кто был писательски *значителен* (и время показало, что *подавляющее большинство до конца осталось верным принятым идеям*), а не тех, которые стояли где-то *далеко* от нас или улыбались направо и налево в угоду конъюнктуре, — которые заранее уже внушали подозрение: чуть что — и поминай как звали.

Одним словом, МОРП, насколько это от него зависело, умел реально видеть ситуацию, умел и предвидеть.

Ну, вот и все в ответ на ваше письмо, которое мирно дремало в ящике письменного стола, пока второе не разбудило его (а заодно — мою совесть) и не произвело на свет это, *очень отрывочное и конспективное*, хотя и не очень краткое...

Антал Г и д а ш

¹ При подготовке настоящего тома «Литературного наследия» Институт мировой литературы им. А. М. Горького обратился к некоторым деятелям МОРПа с просьбой осветить по своим воспоминаниям его работу и собственное участие в ней. Здесь публикуется непосредственно отвечающая на этот запрос выдержка из письма Антала Гидаша, адресованного О. К. Россиянову.

² А. Гидаш был заместителем ответственного редактора журнала «Литература мировой революции» (1931—1932), с 1933 г. выходявшего под названием «Интернациональная литература» (иноязычные издания журнала носили это название с 1932 г.).

³ См. об этом письме Д. Ийеша во вступительной статье к настоящему разделу, стр. 393.

⁴ Соответствующая выдержка из этого решения, опубликованная в журнале «Sarló és Kalapács» (1930, 4. sz., 47. o.), гласит: «Международное Бюро революционной литературы считает выходящий в Москве журнал „Sarló és Kalapács“ своим официальным органом на венгерском языке. Принимая к сведению, что литературный отдел журнала редактировался до сих пор товарищами А. Гидашем, Б. Иллешем, М. Залкой, Бюро, со своей стороны, вводит в число редакторов отдела товарищей Бруно Ясенского, Луначарского и Яноша Матейку».

⁵ На русском языке см.: Б. К у н. Статьи о литературе. М., «Художественная литература», 1966.

⁶ В альманахе были помещены произведения Л. Барты, Ш. Барты, А. Габора, Л. Гриффеля, Б. Иллеша, Ф. Карикаша, Б. Ландора, Й. Лендела, Д. Лукача, Я. Мацы, А. Силади, Б. Уитца, И. Форбата и других прогрессивных и революционных писателей и художников.

⁷ Го Мо-жо был номинальным членом редакционного совета журнала; произведения его в «Интернациональной литературе» тех лет не появлялись.

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

И. БАЛИНТ — А. ГИДАШУ и Б. ИЛЛЕШУ

⟨New-York.⟩ 1931, IV.13.

Kedves Hidas és Illés elvtársak!

Levelükre azonnal válaszolok ¹. Örömmel vettük üdvözlötüket és reméljük, hogy értékes munkát fogunk végezni. Mellékelem a csoport elvi nyilatkozatát és alapszabályzatát ².

Csoportunk tagjai: Gyetvai, Moor, Weinberg, Stone, Austin testvérek (Új Előre ³ mellékletében szoktak írni). Balogh István, Kacander, régi amerikai magyar proliíró. Nagy Jenő fiatal kezdő költőfiú. Olexo nagyszerű proli-költő. Vörös Sándor, Bebrits, Leitner a szerkesztőségéből. Mihály volt hajómunkás, kezdő proli író (neveljük). Fehér, Lator János, ez utóbbi a kispolgárságból jött át hozzánk, nagyszerű író és politikailag szeret bennünket. Biztosra veszem, hogy be fog majd válni.

Egyelőre csak három szál művésziünk van, Gellért Hugo, Schönbauer szobrász és Ellenbogen muzsikus, de tekintve, hogy ezek kifejező nyelve nem kell hogy magyar legyen, talán ha megmelegszenek kicsit nálunk, áttesszük őket a John Reed Clubba (mármint a két utóbbit).

Ennyit a személyi állományunkról.

Munkatervünk:

1. Ellátni szépirodalommal az Új Előret, Az Antifasisztát ⁴ és havonta legalább három dolgot küldeni a Sarló és Kalapácsnak. Fordítani e lapok számára.

2. Nevelni a munkáslevelező gárdákat.

3. Kapcsolatot felvenni az itteni testvérszervezetekkel, amelyek hasonló céllal működnek (az ukrán, finn, zsidó stb. forradalmi írók csoportjaival és a John Reed Clubbal). Csatlakozni a megalakulás előtt álló «amerikai» forr. írók szervezetéhez ⁵. Csatlakozni a F. I. Nemzetközi Irodájához. Egyszóval bekapcsolódnunk a «koncentrációba» ⁶.

4. Könyveket kiadni. Kiállításokat rendezni. Munkásklubokban előadásokat tartani.

5. A csoport tagjai úgyszólván mind aktívan vesznek részt az osztályharcban, párt, szakszervezet, antifasiszta szervezet stb. révén, most a csoport mint olyan, ideológiailag és szervezeten is részt fog e harcokban kapni. Mellékelem egyébként az elvi nyilatkozatunkat, ami megmondja a többit.

Amint láthatják, elvtársaim, elég tennivalónk volna. A baj, hogy irodalom tekintetében az itteni magyar prolik annyira el voltak hagyatva évekig, hogy úgyszólván pionir munkát kell végeznünk. Örülünk, hogy ha el tudunk adni egy-egy könyvből 200—300 példányt. Pl. Gergely «Embervásár» könyvét nyomjuk ⁷, két jó kritikát is irtunk róla, hirdessük meg-

szakadásig és alig adtunk el 100-t belőle. A lap ⁸ körül egész harcok vannak, kell-e bele szépirodalom, vagy nem. Az öreg «gyomorhajos» prolik nem akarják, fiatal olvasóink pedig kevés van. Legtöbbje elamerikanizálódott már. Egyszóval mi csak megvolnánk, most tömeget kell csak nevelni, akik meghallják bennünket.

A pártban egy úgynevezett «leértékelés» volt a proletár forradalmi irodalom iránt, ami persze átragadt az olvasó tömegekre, és hátráltatta az írók kifejlődését is. Bár ez a «leértékelés» még ma is megvan, de mintha javulna már egy kicsit a helyzet. Mindenesetre a proletáriátus sem sült galamb módján kapja szájához az irodalmát és — proli írók a tömeget. Sok vajúdás, csetlés, botlás árán szerveződik, tisztul ideologiailag a kapcsolat a proli írók és a proli tömeg között... és még csak a kezdetén vagyunk.

Kaptunk levelet Faludi Ivántól, Norvégiából. Hozzánk szeretne lecsatlakozni. Elutasítottuk. Kőzelebb van Önökhöz, aztán pedig mi már nem tartunk magunkat emigráns magyar íróknak. Mi *amerikaiak* vagyunk, akik éppencsak magyarul írunk jelenleg. Persze ez nem valami merev dolog, hiszen nemzetköziek vagyunk, de mindenesetre a lényeg azon van, hogy itt élünk és az itteni tömeget akarjuk forradalmasítani. Faludiék és részben az oroszországi elvtársak helyzete még más. Önök inkább össze vannak kötve a magyarországi prolikkal. Csatlakozzon Önökhöz, tanácsoltam neki.

Ellenben Cubában működik egy kis munkáslevelező csoport Steiner elvtárs vezetésével, azok csatlakozását szívesen vettük. Az ottani prolik problémájához sok közvetlen közünk van.

Ugyancsak, két levelet is kaptunk Jugoszláviából a csatlakozásra vonatkozólag ⁹. Azt határoztuk, hogy cikkeiket megosztjuk köztünk ¹⁰ és a Sarló és Kalapács között, de csatlakozást, esetleg az ottani földalatti kapcsolatok révén Önökkel keressenek aztán. *Szeretném, ha a központ megküldené a címemet az összes nemzetiségi kapcsolatunknak (folyóiratoknak), hogy cserepéldány viszonylatba kerülhetnénk velük. (Antifasiszta és az Új Előre melléklet a mi lapunk)*. Azonkívül jó volna, hogyha elvi nyilatkozatunk lejönné a Sarló és Kalapácsba a «Nemzetközi Iroda» rovatában ¹¹.

Amint jeleztem, szervezeti vonalunk az összamerikai forradalmi írók szervezetén keresztül egyenesen a Nemzetközi Irodához vezet. Viszont az európai és az oroszországi magyar írók szervezete már egy másik vonal, amelyik szintén Önökhöz vezet. Természetesen egymást támogatjuk. Kapunk cikkeket az Új Előrének és mi is írunk a Sarló és Kalapácsba. Ha megalakul az összamerikai szervezetünk, gyönyörű kilátásunk van. Vagy három-négy száz műkedvelő kört ellátni szindarabokkal, fordítani egymás számára. Könyvkiadások, kiállítások és előadások rendezése még a legkisebb bányahelyiséghez is eljuthatna a proletárforradalmi irodalom és művészet.

Ebben a reményben
elvtársi üdvözlettel

B á l i n t Imre

Перевод

⟨Нью-Йорк.⟩ 13 апреля 1931 г.

Дорогие товарищи Гидаш и Иллеш!

Не медля отвечаю на ваше письмо ¹. Очень рады вашему приветствию и надемся, что работа наша будет успешной. Прилагаю программу и устав нашей группы ².

Члены ее: Детвай, Моор, Вейнберг, Стоп, братья Аустин (пишут в воскресное приложение к «Új Előre» ³); Иштван Балог, Кацандер — живущий в Америке старый венгерский пролетарский поэт; молодой начинающий поэт Ене Надь; замечательный пролетарский поэт Олексо; Шандор Вёреш, Бебрич, Лейтнер — из редакции газеты; начинающий пролетарский писатель, бывший рабочий судостроительного завода Михай (мы его воспитываем); Фехер, Янош Латор. Этот последний — выходец из мел-

кой буржуазии; политически за нас и пишет прекрасно. Считаю, что он оправдывает наше доверие.

Представителей других родов искусств у нас пока всего трое — Хуго Геллерт, скульптор Шенбауэр и композитор Эллэнбоген; но поскольку их творческий язык — интернациональный, мы, после того как они немножко «погреются» у нас, наверно, передадим их (по крайней мере, двух последних) в Клуб Джона Рида.

Это о составе.

Теперь план работы:

1. Снабжать художественной литературой «Uj Előre», «Az Antifasiszta»⁴ и ежемесячно посылать хотя бы три вещи в «Sarló és Kalapács». Делать переводы для этих изданий.

2. Воспитывать кадры рабочих корреспондентов.

3. Установить связь с местными братскими организациями, которые ставят те же цели (с группами революционных украинских, финских, еврейских и других писателей и Клубом Джона Рида). Присоединиться к союзу «американских» революционных писателей, который сейчас накануне своего создания⁵. Присоединиться к Международному бюро революционной литературы. Одним словом, включиться в «концентрацию сил»⁶.

4. Издавать книги. Организовывать выставки. Выступать с лекциями в рабочих клубах.

5. Члены группы все, так сказать, активно участвуют в классовой борьбе по партийной, профсоюзной, антифашистской линии; но теперь и на группу как таковую ложатся идеологические и организационные задачи в этой борьбе. Об остальном — в прилагаемой программе.

Дел, как видите, хватает. Плохо то, что в отношении художественной литературы здешние венгерские рабочие долгие годы были предоставлены сами себе, и нам приходится выполнять в полном смысле слова пионерскую работу. Если книга расходуется в 200—300 экземплярах, мы уже рады. Например, напечатали мы «Людской рынок» Гергея⁷, дали даже две похвальные рецензии на него, рекламировали изо всех сил и все-таки продали едва сто экземпляров. Среди читателей газеты⁸ — настоящая борьба по вопросу, давать в ней художественный материал или нет. Рабочие постарше, «поворчливей» — против, а читателей молодых — мало. Они уже по большей части американизировались. Одним словом, всё бы ничего; надо только массы завоевывать, чтобы они нас услышали.

В партии наблюдалась до сих пор так называемая «недооценка» революционно-пролетарской литературы. Это, естественно, тормозило рост писательских кадров, а вместе — и читательской аудитории. Сейчас положение немного улучшилось, хотя «недооценка» еще чувствуется. Во всяком случае, новых произведений — не густо, так же как и читателей пролетарской литературы. Связи между рабочей массой и пролетарскими писателями идеологически укрепляются, организационно налаживаются, но с трудом, со скрипом... Словом, тут всё еще в самом начале.

Получили мы письмо из Норвегии от Ивана Фалуди. Он хотел примкнуть к нам, но мы ему отказали. Он ведь к вам ближе; кроме того, мы не считаем себя венгерскими писателями-эмигрантами. Мы — американцы, только пишущие в настоящее время по-венгерски. Замкнутости, конечно, никакой быть не может, мы ведь интернационалисты, но суть все-таки та, что мы живем здесь и хотим революционизировать здешние массы. А положение Фалуди и отчасти товарищей в России еще иное. Вы больше связаны с венгерскими рабочими. Так что я посоветовал ему подключиться к вам.

Но зато маленькую группу рабочих корреспондентов, действующих на Кубе под руководством товарища Штейнера, мы охотно приняли. У тамошнего пролетариата много общих с нами проблем.

Точно так же из Югославии пришло два письма по поводу присоединения к нам⁹. Мы решили так, что присланные ими статьи поделим между нашей газетой¹⁰ и вашим журналом «Sarló és Kalapács», но о присоединении или, может быть, установлении нелегальной связи пусть договариваются с вами. Я просил бы сообщить мой адрес всем иностранным секциям (журналам) для взаимного обмена изданиями (наши

органы — «Az Antifasiszta» и приложение к «Új Előre»). Кроме того, хорошо бы напечатать в «Sarló és Kalapács» в рубрике «Международное бюро» нашу программу¹¹.

Как я отмечал, мы по организационной линии будем непосредственно связаны с Международным бюро через Всеамериканский союз революционных писателей. К вам же ведет и другая линия — через организации венгерских писателей в Европе и России. Конечно, мы будем друг друга поддерживать. От вас — получать статьи для «Új Előre», а сами — писать в «Sarló és Kalapács». Если Всеамериканский союз организуется, перспективы великолепные. Триста-четыреста участников самодеятельных кружков будут обмениваться пьесами, переводить друг для друга. Совместное издание книг, организация выставок, лекций до самых отдаленных шахтерских поселков донесут революционно-пролетарскую литературу и искусство.

С этой надеждой плю товарищеский привет

Имре Б а л и н т

Автограф. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 3, л. 1—3 об.

¹ В рукописном отделе ИМЛИ не обнаружено.

² В рукописном отделе ИМЛИ не обнаружены.

³ «Új Előre» — венгерская коммунистическая газета, издававшаяся в 1922—1936 гг. в США (Нью-Йорке). Главным редактором ее был Янош Детван; наивысший тираж — 22 тысячи экземпляров.

⁴ «Az Antifasiszta» — газета, издававшаяся американским отделением Союза венгерских революционных писателей и художников.

⁵ После Харьковской конференции революционных писателей, в результате слияния Клуба Джона Рида с группой сотрудников журнала «New Masses», возникла американская секция МОРПа, которая к 1935 г. выросла уже в общеамериканскую литературную организацию, имевшую отделения в крупнейших городах США и объединявшую также революционных писателей других национальностей, в том числе венгерских (см. в настоящ. томе, стр. 463—464).

⁶ Подразумевается сплочение революционных международных писательских сил.

⁷ «Людской рынок» (1930) — роман Шандора Гергея, в котором изображалась предательская роль правых венгерских социал-демократов в рабочем движении.

⁸ По-видимому, «Új Előre».

⁹ В северных частях Югославии (Бачка, Банат, Воеводина) имелось венгерское население, жили и революционные венгерские писатели (З. Чука, П. Шомоди, Э. Шинко, Л. Турзо, Ш. Харати и др.), которые издавали свои газеты и журналы («Szervezett Munkás», «Híd» и др.). Союз венгерских революционных писателей и художников одной из своих задач, подтвержденной Харьковской конференцией, считал «... утвердить в тех странах (Чехословакии, Румынии, Югославии и т. д.), где <...> существует значительное венгерское национальное меньшинство» (Я. М а т е й к а. Задачи Международного бюро революционной литературы и искусства, 1930, № 2, стр. 109). Однако югославское отделение венгерской секции МОРПа не было создано.

¹⁰ «Az Antifasiszta».

¹¹ Программа в журнале напечатана не была.

А. ГАБОР—Ш. БАРТЕ

⟨Берлин⟩ 14/XI 1927

Kedves Bartám!

Ha az utóbbi időben nem száradtam volna ki és be, háromszoros hurrával kezdeném ezt a leveletem: az első szabad estémen, amivel itt Berlinben rendelkeztem, elolvastam Fred Parkins történetét¹ és el vagyok ragadtatva tőle. A darab évek óta a legjelentékenyebb költői alkotás, ami sorainkban létrejött. Ha volna időnk, módunk, alkalmunk, kedvünk, lehetőségünk arra, hogy egymás alkotásainak örüljünk, akkor ezzel a darabbal kapcsolatban meg kellene tennünk. Ha a darabot még Moszkvában olvastam volna², felkerestem volna, hogy megszorítsam a kezét. Jó érzés, hogy a költők még nem pusztultak ki közülünk, s még jobb, hogy képtelen napi munkába beszorítva is létrehozhatnak ilyen műveket. Nagyon-nagyon örültem a dolgozatnak s külön örültem annak, hogy irodalmi művel összefüggésben alkalmam van örülni melegen, jólesően, lelkesen. Azt hiszem, ez a darab Magát legérettebb formájában, ereje tetején mutatja.

A darab további sorsa, attól félek, egyelőre független a benne megnyilatkozó értékektől. Hogy előadható-e, arról halovány sejtelmem sincsen, még arról se, hogy előadandó-e? De ez nem a mi dolgunk, mi most magunk között beszélgetünk.

Mert érett mű, természetes, hogy a darab nemcsak a Maga legjobb tulajdonságait, hanem a legrosszabbakat is szinte kristálytisztán tartalmazza. Óriási erejű történet, szörnyű történet: minden ízében pesszimisztikus. Mert azok a részletek, amik a lesújtó és letaposó hatást itt-ott, hogy ugy mondjam, munkásmozgalmi oldalról paralizálni akarják, csak ráaggatott mesterséges csingilingik, még akkor is, ha Maga a legőszintébben gondolta is őket. A tröszt-társadalom iszonyú, ez félelmetes erővel jön ki a darabból, de hogy ezzel szemben a munkás védekezhetik is, vagy hogy van kilátás arra, hogy valamikor védekezni fog, az nincs meg benne vagy a kis fények elvesznek a hatalmas sötétség szimfóniában. A darab arról az oldalról van írva, ahonnan nem volna szabad írunk. Nem volna szabad így látnunk a világot. Bátran beszélhetek erről, mert ugyanebben szenvedek én is, habár, mert kevesebb fantáziával rendelkezem s általában tudatosabban nyírom és korrigálok magamat, az írásaimon, amennyiben létrejönnek, nem látszik meg annyira ez a tilos oldal. De Maga, aki szörén üli a paripát s nem ismeri még a saját veszedelmeit, egyszerre csak a legfeketébb pokolban nyargal vele, ahol — költői értelemben — csudaszép látnivalók vannak, de ahonnan sincsen kivezető út. Az utolsó jelenet nagyszerű Faust-paródiája ugyanabban a hibában szenved, mint az eredeti; megoldása nem kielégítő, mert más sikon mozog, mint ahol a bajok, mint problémák, fölvetődnek. Faust «idvezül»... Jó. Elintézi ez öregség-ifjúság, házasságtalan szerelem s törvénytelen gyerek problémáját? (Mert, ne felejtjük el, Faust nem amiatt volt nagy mű, ami az égben, hanem amiatt, ami a földön játszódik benne). Hogy a mű kéziratát végül a munkáosztály képviselője viszi magával, ez legföljebb utalás egy mennyország-ra, amely a darabban sincsen ábrázolva.

26/XI 1927

Ezt a levelet két héttel ezelőtt kezdtem írni, de nem jutottam hozzá, hogy befejezzem. Jobb későn, mint soha.

Persze, hogy mindazokon, amiket előbb felsoroltam, nem lehet segíteni, mert se nem cserélhetjük, se nem herélhetjük ki magunkat, még akkor sem, ha ehhez a legnagyobb akarat megvan bennünk. Ez a jó akarat csak programmatikus formában tud megnyilatkozni, hogy t. i. azt a programmot, amely egyedül helyes számunkra, magunkénak valljuk és igyekezünk, úgy ahogy tudjuk, megvalósítani. Program és műalkotás sokszor el fognak térni egymástól, de nem minden út, amely jószándékkal van kövezve, vezet a pokolba.

No mármost, az egyetlen irodalmi csoport, amely odaát számunkra helyes programmal rendelkezik, a WAPP—MAPP csoport s azért irom ezen leveletem, hogy arra ösztökéljem magát, hogy aktívabban és közvetlenebbül tartozzon hozzájuk. Mióta itt vagyok, egy kicsit olvastam az irodalmi vitákat, amik a csoport körül lejátszódtak és láttam, hogy valamennyi többi irányzat számunkra kétségbeejtő homályokban tapogatózik s hajmeresztő álláspontokat foglal el. Egész határozottan ki lehet mondani, hogy kizárólag a WAPP áll marxista-forradalmi alapon, mind a többi mind a négy lábával (elavult!) polgári ideológiákból táplálkozik, még akkor is, ha őket marxi, sőt lenini idézetekkel tálalja. S a veszedelem az, hogy a mai Oroszországban a többi irányzat is nemcsak meg tud élni, hanem még sokkal jobban is mehet a sóra, mint a számunkra helyes programnak.

Jut eszembe: van a darabból még egy német példánya? Nagyon kellemetlen valamit, ami csak egyetlenegy példányban van meg, a kézből kiadni, mert könnyen elveszhet.

«КЛЯТВА ЛУДДИТОВ»

Офорт Бела Уитца, 1924

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

S még egy: a darab fordítása még mint nyersfordítás is nehezen áll meg, sok helyütt csak azon keresztül értettem meg a német szöveget, hogy tudok magyarul és tudtam, hogy mi lehetett az, amit helytelenül fordítottak. Félek, hogy ez a német dramaturgot, vagy kiadót erősen zavarni fogja. Korrigálni roppant nehéz, mert többnyire több munkával jár, mint az újrafordítás.

Öleli Magát is, családját is

G á b o r

Irének ³ is egy üdvözet adandó át!

Перевод

⟨Берлин⟩ 14/XI 1927

Дорогой мой Барта!

Если б за последнее время я не сдал так телом и душой, то начал бы это письмо троекратным «ура». В первый же свободный вечер здесь, в Берлине, прочитал я историю Фреда Паркинса ¹ и пришел в совершенный восторг. Эта пьеса — самое значительное художественное произведение, которое вышло из наших рядов за много лет. Будь у нас время, охота и возможность радоваться произведениям друг друга, ваша пьеса заслуживала бы этого в первую очередь. Если бы я прочел ее еще в Москве ²,

«ГЕНЕРАЛ ЛУДД»

Офорт Бела Уитца, 1924

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

обязательно зашел бы пожать вам руку. Приятно знать, что среди нас еще не вывелись художники, и еще приятнее, что даже посреди нелепой повседневной суеты они ухитряются писать такие вещи. Очень, очень рад — и особенно еще оттого, что имею возможность порадоваться литературному произведению. Тепло, хорошо, славно стало на душе. Судя по этой пьесе — вы в наилучшей форме сейчас, в расцвете сил.

Боюсь, однако, что дальнейшая ее судьба будет пока что зависеть не от ее достоинств. Можно ли ее поставить и нужно ли — представление об этом у меня самое приблизительное. Но это дело не наше, у нас сейчас свой, особый разговор.

Так как произведение это зрелое, естественно, что оно почти с кристальной ясностью показывает не только ваши лучшие, но и худшие стороны. История очень сильная, страшная: до последнего вздоха пессимистическая. Потому что те подробности, которые должны, так сказать, при помощи рабочего движения нейтрализовать гнетущее и подавляющее местами впечатление, — это все искусственные привески, побрякушки, пусть даже за ними стоят самые лучшие намерения. Власть трестов — ужасна, и это с пугающей силой выступает в пьесе; но что рабочий может против нее защититься или хоть когда-нибудь станет защищаться, — этого нет; а если и есть слабые проблески, они теряются в зловещей симфонии тьмы. Пьеса написана под таким углом зрения, под каким нам писать просто нельзя. Нельзя видеть мир в таком свете. Я сме-

ло могу себе позволить такое замечание, ибо сам повинен в том же, хотя по моим писаниям, — по крайней мере в окончательном виде, — этого не скажешь, но только потому, что у меня фантазия беднее и вообще я сам сознательно их стригу и причесываю. Но вы, мчащийся на неоседланном скакуне и не подозревающий о риске такой езды, вдруг влетаете на нем в мрачайший ад, где открывается масса прекраснейших — в поэтическом смысле — зрелищ, но откуда нет выхода. Великолепная пародия на «Фауста» в последнем явлении страдает тем же недостатком, что и сам «Фауст»: развязка не удовлетворяет, ибо дана в другой плоскости, нежели то зло, которое налицо как проблема. Фауст «спасает свою душу»... Прекрасно. Но разве решается этим проблема молодости — старости, внебрачной любви и незаконного ребенка? (Не забудем, что великим произведением «Фауста» сделали не небесные сцены, а земные.) То, что рукопись произведения в конце концов уносит с собой представитель рабочего класса, самое большое — намек на небесное блаженство, которое в пьесе не наступает.

26/XI 1927

Я начал это письмо две недели назад; закончить не было времени. Но лучше поздно, чем никогда.

Разумеется, со всем перечисленным ничего не поделаешь. Мы не можем перешибить или перекроить себя даже при самом добром желании. Это наше доброе желание выражается обыкновенно только в программной форме, то есть, мы принимаем какую-то приемлемую для нас программу и стараемся следовать ей, как можем. Но программа и творчество часто будут расходиться. Однако не всякий путь, вымощенный благими намерениями, ведет в ад.

Ну так вот, единственная литературная группа там, у вас, обладающая приемлемой программой, — это ВАПП — МАПП, и я пишу вам, чтобы побудить вас активнее и ближе участвовать в ее деятельности. С тех пор как я здесь, я почитал немного материалы литературных дискуссий, которые велись вокруг и около этой группы, и увидел, что остальные направления блуждают в самых отчаянных потемках, оставляя такие позиции, от которых просто волосы дыбом встают. Совершенно решительно можно сказать, что исключительно один ВАПП стоит на революционной марксистской почве, а остальные всеми четырьмя копытами увязли в болоте буржуазной (и устарелой!) идеологии — даром, что приправляют ее марксовыми и даже ленинскими цитатами. И беда в том, что в сегодняшней России эти остальные направления не только существуют, но и куда лучше себя чувствуют, чем принимаемое нами.

Мне вдруг пришло на ум: а есть ли второй немецкий экземпляр пьесы? Не очень-то приятно единственный выпускать из рук, ведь он легко может потеряться.

И еще одно: перевод пьесы даже подстрочником служить едва ли может. Сплошь и рядом я понимал немецкий текст только потому, что знаю по-венгерски и догадывался, что должны означать те или иные неверно переведенные места. Боюсь, что немецкого рецензента или издательство этот перевод поставит в тупик. А исправить — зверски трудно: часто больше работы требуется, чем заново перевести.

Обнимаю вас и вашу семью.

Г а б о р

Ирен³ тоже прошу передать привет!

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 61, л. 1—3.

¹ А. Габором разбирается написанная Бартой в 1926 г. сатирическая трагикомедия «Цирк-капитализм». В 1929 г. она была издана в немецком переводе под названием «Фред Фреда Паркинса» (Alexander Barta. Fred Parkins Ford-Wagen. «Die neue Bühne», Leipzig, 1929). Краткая выдержка из письма опубликована в Венгрии в предисловии к одноименнику Барты (Barta Sándor. Pánik a városban. Szépirodalmi könyvkiadó, Budapest, 1959. 12. o).

² Находившийся после 1919 г. в эмиграции Габор в 1927 г. по пути из Вены в Берлин был в Москве (где с 1925 г. жил Барта).

³ Ирен — жена венгерского журналиста и критика Йожефа Погана, который был народным комиссаром Советской Венгрии (по военным делам, потом наркомом просвещения); в 1920—1930-х годах они жили в эмиграции в Москве.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ Ш. БАРТЫ

1.

Geboren im Jahre 1897 in Budapest aus einer Kleinarbeiterfamilie. Studierte und lernte gleichzeitig, doch konnte und wollte meine Studien nicht beenden. Ich wollte kein Jurist werden überhaupt, und noch weniger in einem Staate, mit dem ich von früher Kindheit im Streite war.

Meine literarische Tätigkeit begann im Jahre 1916 in der linksradikalen Zeitschrift «Ma» («Heute»), die kurz ein Sammelpunkt der gegen dem imperialistischen Kriege revoltierende Intelligenz geworden ist. Schrieb Gedichte, die unter dem Titel «Rote Fahne» (1918) erschienen sind ¹, später übergang ich auch aufs Prosa. Schrieb bisher elf Bücher, die in verschiedenen Sprachen erschienen sind (einige davon russisch — «Чудесная история», 1927; «Паника в городе», 1928; «Миша», 1929; «350 000», 1931; «Право убежища», 1930). Beendete jetzt einen Roman über die Krise in Ungarn und bearbeite jetzt das äusserst wertvolle Material, dass ich während meiner 1½-monatigen Uralreise gesammelt habe ². Beabsichtige davon drei Bücher zu schreiben:

- 1) Eine очерк — Serie;
- 2) Eine grosse epische Poeme;
- 3) Eine Reihe von Erzählungen.

Diese Fahrt brachte mich wie keine andere Angelegenheit sehr nahe zum Verständnis der Sowjetwirklichkeit. Auch über meine künstlerische Entwicklung wird sie nicht spurlos vorübergehen.

Mit der Arbeiterbewegung kam ich schon im Jahre 1912 in Verbindung, als ich am Roten Donnerstag ³ von der Polizei verhaftet und verprügelt wurde. Im Jahre 1919 nahm ich aktiven Teil in der Rätediktatur in Ungarn und musste nach dem Sturze derselben emigrieren. Lebte lange im Auslande ⁴, in der Emigration gab zwei Zeitschriften aus ⁵ und lebe in der letzten Zeit in der Sowjetunion. Bin Mitglied der Partei seit dem Jahre 1924.

Hier im Vaterland aller Werktätigen, wo ich sämtliche Möglichkeit zu der künstlerische Arbeit benutze, will ich mit doppelter Energie daran arbeiten, um die Sache der Arbeiterklasse der Sowjetunion, der ganzen Welt und nicht zuletzt die Sache der Arbeiterbewegung Ungarns zu dienen.

1932

S. B a r t a

Перевод

Родился в 1897 году в Будапеште, в семье ремесленника. Учился в университете и одновременно занимался самообразованием, но закончить курс не сумел и не хотел. Я вообще не хотел быть юристом, а тем более в государстве, с которым был не в ладах с самого детства.

Моя литературная деятельность началась в 1916 году в леворадикальном журнале «Ma» («Сегодня») — он вскоре стал центром, вокруг которого объединилась интеллигенция, бунтовавшая против империалистической войны. Писал стихи, которые появились под заглавием «Красное знамя» (1918) ¹, позже обратился также к прозе. Написал до сих пор одиннадцать книг, которые вышли на разных языках (некоторые из них на русском — «Чудесная история», 1927; «Паника в городе», 1928; «Миша», 1929; «350 000», 1931; «Право убежища», 1930). В настоящее время закончил роман о кризисе в Венгрии и теперь обрабатываю чрезвычайно ценные материалы, которые я собрал во время моего полуторамесячного путешествия по Уралу ². Собираюсь на основании их написать три книги:

- 1) Очерки — серию;
- 2) Большую эпическую поэму;
- 3) Ряд рассказов.

Эта поездка, как ничто другое, дала мне возможность особенно близко узнать советскую действительность. И для моего творческого развития она тоже не пройдет бесследно.

С рабочим движением я вступил в связь уже в 1912 году, когда в Красный четверг³ меня арестовали и избили полицейские. В 1919 году я принял активное участие в установлении диктатуры Советов в Венгрии и после ее падения вынужден был эмигрировать. Долго жил за границей⁴, в эмиграции издавал два журнала⁵; в последнее время живу в Советском Союзе. Член партии с 1924 года.

Здесь, в отечестве всех трудящихся, где я располагаю всеми возможностями для художественного творчества, мне хочется работать с удвоенной энергией, чтобы послужить делу рабочего класса Советского Союза, всего мира и, не в последнюю очередь, делу венгерского рабочего движения.

1932

Ш. Барта

Автограф. ИМЛИ, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 53, л. 1—1 об.

¹ Сборник «Красное знамя» вышел в 1919 г. (Barta Sándor. Vörös zászló. «Ma» kiadása. Budapest, 1919).

² Барта входил в одну из интернациональных писательских бригад, которые совершали поездки по Советскому Союзу, осматривая совхозы, новостройки и т. п. Вместе с Л. Арагоном, Э. Триоле, американцем А. Платнером, голландским литератором Ластом Барта посетил в 1932 г. Урал. Очерки его об этой поездке — «По пути на Урал» («Útban az Ural felé») — были в следующем году напечатаны в журнале «Sarló és Kalapács» (№ 1, 2).

³ «Красный четверг» (в истории Венгрии за этим днем укрепилось другое наименование — «Кровавый четверг») — 23 мая 1912 г., день массовой уличной демонстрации будапештских рабочих, которую разогнали жандармерия и полиция.

⁴ В эмиграции Барта находился с 1920 г., сначала в Вене, с 1925 г. — в Советском Союзе.

⁵ В Вене в 1921—1924 гг. Барта издавал и редактировал левоекспрессионистские журналы «Akasztott Ember» и «Ék».

2

SELBSTBIOGRAPHISCHE NOTIZ

Ich bin 38 Jahre alt, in Budapest geboren. Mein Vater war und ist ein armer Schneider. Meine Mutter war eine arme Schneiderin. Sie starb an Tuberkulose. Ich lebte in der Vorstadt, dort wurde ich grossgezogen, dort brachte ich in einer Werkstatt meine Lehrzeit, dort begann ich zu schreiben — im Stiegenhaus; dort kam ich mit der Arbeiterbewegung in Berührung — anlässlich einer Strassendemonstration¹. Ein Jahrzehntlang suchte ich den Weg, suchte ich die Kraft, die die Welt, die mich umgab, verändern wird. Ich war Rebell, ich hasste verzweifelt die Wirklichkeit, in die ich hineingeboren wurde. Niemals war ich *passiv* gegenüber der bürgerlichen Gesellschaft. Seit meiner frühesten Jugend, seitdem ich nur schreibe, ziehen zwei Linien durch meine Gedichte, Romane, Dramen, Erzählungen: entlarven und verändern. Verhöhnung, zur Groteske gesteigerte Satire, dramatische Spannung, Pathos, einfache Worte, überstürzte Bilder dienen alle nur dazu, ja oder nein zu sagen zur Welt, die Verhältnisse zwischen Menschen und Menschen aufzuzeigen, um menschliche Verhältnisse zu schaffen.

Meine besten Werke sind: meine Satiren über die bürgerliche Welt. Mein bestes Werk (leider nur deutsch erschienen) «Fred Parkins Ford-Wagen» Tragikomödie². Eine Satire des Kapitalismus. Meine echtsten Mittel sind: wo ich versuche die Traditionen Swift' und Daumiers fortzusetzen.

Hier ein kurzes Verzeichnis meiner wichtigsten Arbeiten und Tätigkeit.

1916 begann ich in Budapest zu schreiben in der aktivistischen Zeitschrift «Ma» («Heute»), die bald das Zentrum aller antimilitaristischen jungen Intellektuellen wurde³. 1918 erscheint mein erster Gedichtband «Rote Fahne»⁴. 1918 übersetzte Lenins «Staat und Revolution». 1919. Nehme Teil als Redakteur einer literarischen Zeitschrift⁵ und Propagandist während der Räterediktatur in Ungarn. 1920. Emigration. Wien. Schreibe ein Drama «Ja» (1920, Wien)⁶. 1921—1924. Redakteur und Herausgeber einer Reihe von

Literaturzeitschriften in Wien. 1924 trete ich in Österreich in die Partei ein. In dieser Zeit erscheinen mehrere meiner Bücher in mehreren Sprachen und zwar: «Erzählungen» (1922), mein erster Roman «Eine wunderbare Geschichte» (eine Satire auf den Kapitalismus). 1925 fahre ich nach der Sowjetunion. Hier schreibe ich «Fred Parkins Ford-Auto» Tragikomödie, «Panik in der Stadt», «Asylrecht» (Erzählungen), «Mischa», «Ohne Gnade» (kleiner Roman) und noch vieles. Jetzt beendete ich nach 4-jähriger Arbeit einen grossen Roman «Friedenszeit».⁷

1935

Alexander B a r t a

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Перевод

Мне 38 лет, родился я в Будапеште. Отец мой был — и до сих пор остается — бедным портным. Моя мать была бедная портниха; она умерла от туберкулеза. Жил я в предместьях, там я вырос, там, в одной мастерской, провел годы учения; там начал писать — на лестнице; там соприкоснулся с рабочим движением — во время уличной демонстрации¹. Целое десятилетие искал я путь, искал силу, которая изменит мир, меня окружающий. Я был бунтарем, я отчаянно ненавидел действительность, в которой родился. Никогда не был я *пассивен* по отношению к буржуазному обществу. С самой моей ранней юности, с тех пор как я только начал писать, через мои стихи, романы, драмы, рассказы красной нитью проходит двойное стремление: разоблачать и переделывать. Осмеяние, заостренная до гротеска сатира, драматическая напряженность, пафос, простые слова, стремительно сменяющиеся картины — все это служит одному: сказать миру «да» или «нет», раскрыть отношения между людьми, для того чтобы создать человеческие отношения.

Мои лучшие произведения — это сатиры на буржуазный мир. Моя лучшая книга (к сожалению, появилась только на немецком языке) — трагикомедия «Фред Паркинса»². Сатира на капитализм. Моя настоящая художественная манера выступает там, где я пытаюсь продолжать традиции Свифта и Домье.

Вот краткие сведения о важнейших моих работах и о деятельности.

В 1916 году я начал писать в Будапеште для активистского журнала «Ма» («Сегодня»), который вскоре стал центром всей молодой антимилитаристской интеллигенции³. В 1918 году появляется мой первый сборник стихов «Красное знамя»⁴. В 1918 году я переел «Государство и революцию» Ленина. 1919. Работая редактором литературного журнала⁵ и пропагандистом в дни диктатуры Советов в Венгрии. 1920. Эмиграция. Вена. Пишу драму «Да» (Вена, 1920)⁶. 1921—1924 — редактор и издатель нескольких литературных журналов в Вене. В 1924 году в Австрии я вступаю в партию. В это время некоторые из моих книг появляются на разных языках, а именно: «Рассказы» (1922), мой первый роман «Чудесная история» (сатира на капитализм). В 1925 году еду в Советский Союз. Здесь мною написана трагикомедия «Фред Паркинса», «Паника в городе», «Право убежища» (рассказы), «Миша», «Нет пощады» (повесть) и многое другое. Сейчас, после четырехлетней работы я закончил большой роман «Мирное время»⁷.

1935

Александр B a r t a

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 54, л. 1—2. Краткая выдержка из «Автобиографической заметки» в венгерском переводе напечатана в книге: B a r t a Sándor. Pánik a városban. Szépirodalmi könyvkiadó. Budapest, 1959 (клапан суперобложки).

¹ См. примеч. 3 к документу 1.

² На венгерском языке опубликована впервые в книге: Barta Sándor. Pánik a városban. Szépirodalmi könyvkiadó. Budapest, 1959. Оценку трагикомедии А. Габором см. выше, в его письме к Ш. Барте (стр. 410—414).

³ Журнал «Ма» (он сменил запрещенный журнал «Tett», 1915—1916) издавался в 1916—1925 гг. группой венгерских экспрессионистов («активистов») во главе с поэтом Л. Кашпаком.

⁴ См. примеч. 1 к документу 1.

⁵ Имеется в виду журнал «Ма».

⁶ Первое издание: B a r t a Sándor. Igen. «Ма», Wien, 1920.

⁷ Библиографические данные о перечисленных здесь произведениях приводит сам Барта в «Приложении» (см. ниже). Роман «Мирное время», законченный в 1935 г., издан в Венгрии позднее, под заглавием «Золотоискатели» (B a r t a Sándor. Aranyásók. Szépirodalmi könyvkiadó, Budapest, 1957).

3

ПРИЛОЖЕНИЕ

〈БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ш. БАРТЫ〉

Свою писательскую деятельность начал в Венгрии в левом антимилитаристическом литературном журнале «Ма» в 1916 году. С 1919 года являюсь профессиональным писателем, написал двенадцать книг, больше чем десять пьес (все напечатаны или поставлены), был редактором четырех больших литературно-художественных журналов — в Венгрии и в эмиграции. Кроме книг и пьес, написал десятки рассказов, повестей, стихотворений, критических статей, очерков и т. д., выпедших в разных журналах, альманахах и сборниках. Перевел ряд книг. Некоторые мои произведения переведены на несколько языков.

Перечисляю свои книги:

1. «Vörös zászló» («Красное знамя»), Будапешт, 1918. Сборник стихов. Издание «Ма».

2. «Igen» («Да»). Трагикомедия. 1920. Вена. Издание «Ма».

3. «Tisztelt hullaház» (сборник сатирических рассказов). 1921. Вена. Издание «Ма».

4. «Mese a trombitakezű diákról» (сборник рассказов). Вена — Кошице. Издание «Ма». 1922.

5. «Csodálatos történet» (роман). Кошице, 1924. Издание «Kassai Munkás». («Чудесная история» — на русском языке, ЛенГИХЛ, 1927; «Eine wunderbare Geschichte» — на немецком языке, 1926, Вена, Берлин. То же самое на чешском, на словенском языке, 1928).

6. «Паника в городе» (сборник рассказов) — на русском языке. Библиотека «Огонек», 1928 (те же самые рассказы на венгерском, немецком, чешском, французском, украинском и т. д.).

7. «Миша» (повесть). 1929. «Московский рабочий». То же самое на немецком, шведском, украинском, еврейском, венгерском и т. д.

8. «Fred Parkins Ford-Wagen» («Машина Фреда Паркинса». Трагикомедия). Лейпциг, «Die neue Bühne», 1929.

9. «Право убежища» (рассказ). Библиотека «Огонек», 1930. То же самое на немецком, венгерском.

10. «350 000» (повесть). ГИХЛ, 1931. То же самое на немецком.

11. «До победы» (рассказ). Профиздат, 1933.

12. «Нет пощады», ГИХЛ, 1934. Роман. То же самое на венгерском. <Издательство> иностранных рабочих, 1933.

13. «Испытание» (сборник рассказов). Московское товарищество писателей (печатается) ¹.

Кроме этого, в интернациональных сборниках:

1. «Les Cinq Continents». Paris, 1923.

2. «Anthologie prosaïque hongroise». Paris, 1927.

3. «Anthologie poétique hongroise». Paris, 1928.

4. «Dichter der Weltliteratur». Wien, 1929.

5. Сборник венгерских революционных поэтов. Москва, 1926.

Кроме этого, в журналах и газетах: «Clarté», «Monde», «Commune» (Франция); «Die Menschheit», «Das neue Russland», «Die neue Bücherschau», «Rote Fahne» (Берлин), «Rote Fahne» (Wien), «Das Wort» (Halle), «Internationale Presse Korrespondenz», «Welt am Morgen», «Welt am Abend» и т. д. (Германия и Австрия); «Reichenbogener Vorwärts», «Neue Deutsche Blät-

ШАНДОР БАРТА

Фотография, 1932

Институт мировой литературы им.
А. М. Горького АН СССР, Москва

ter», «Munkás», «Nőmunkás» и т. д. (Чехословакия); «Молодая гвардия», «Красная новь», «Интернациональная литература», «Прожектор», «Наши достижения» и т. д. (на русском).

Кроме этого, рассказы и т. д. на шведском, чешском, украинском, еврейском и, конечно, на венгерском языках — как в Венгрии, так и везде, где есть революционная венгерская пресса².

В данный момент работаю над романом об эпохе социальной революции, на первый том имею договор с ГИХЛом³.

Кроме перечисленных книг и произведений, имею ряд художественных переводов из Уота Уитмена, Тагора, Эптона Синклера, Демьяна Бедного, Маяковского, Гоголя, Толстого, немецких революционных поэтов и т. д.

С 1924 года являюсь членом коммунистической партии. В Советском Союзе активно участвую, как раньше (а по возможности и сейчас) за границей, в новом литературном движении [в данном случае в работе Оргкомитета и МОРПа].

Критические статьи и рецензии на мои книги появлялись на русском языке в ряде видных журналов и газет. Перечисляю некоторые: «Печать и революция», «На литпосту», «Правда», «Литературная газета» и т. д.

Черновой автограф. ИМЛИ, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 53, л. 2—3 об.

¹ До ареста Барты в 1938 г. сборник не был издан; местонахождение рукописи неизвестно.

² Рассказы и очерки Барты, кроме названных им венгерских газет, издававшихся в Чехословакии — «Kassai Munkás», «Munkás» и «Nőmunkás» (Кошице), — печатались за пределами Венгрии в следующих газетах и журналах: «Új Előre» (Нью-Йорк), «Korunk» (Клуж), «Sarló és Kalapács», «Új Hang» (Москва), а в самой Венгрии — в журнале «100%» (1927—1930).

³ Судьба романа неизвестна. Первым томом его, очевидно, являлся роман «Мирное время» («Золотоискатели»).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ»*

1. МАТЭ ЗАЛКА

⟨Москва, 1931 г.⟩

Одно время, приблизительно в 1926—27 году, меня очень волновала тема, интересная для наших детей. В то время я искал путей к детской литературе, но меня отпугивали те громаднейшие трудности, которые я встречал на пути.

Начал я писать для юношества и кое-что успел — написал я книжки «Бунт», «Жужа», «Долг Ганса», «Храбрый портняжка» и пр.

Но это не то... Все не то...

Сейчас работаю над исправлением книги «Хр⟨абрый⟩ порт⟨няжка⟩», которую думаю сделать значительным произведением¹.

Однако это не основной мой план. Я думаю написать большую эпопею для юношества, в котор⟨ой⟩ раскрою роль интернационалистов в гражд⟨анской⟩ войне и в революции в России². Та героическая, беззаветная борьба, ⟨в⟩ которой заграничные товарищи стояли на боевом посту первой в мире соц⟨иалистической⟩ революции, может дать громад⟨ую⟩ зарядку нашей молодежи для их интернационального воспитания.

М⟨атэ⟩ З⟨алка⟩

Автограф. ИМЛИ, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1—1об.

¹ Первое издание: М. З а л к а. Храбрый портняжка. «Московский рабочий», М.—Л., 1928. В переработанном виде повесть не издавалась.

² Имеется в виду роман «Кометы возвращаются» о венгерских интернационалистах, участниках гражданской войны в России (первая часть в русском переводе была напечатана в журнале «Молодая гвардия», 1932, № 4—9). В Венгрии роман (незаконченный) издан в 1966 г. (Z a l k a Máté. A bolygók visszatérnek. I—II. Budapest, Szépirodalmi könyvkiadó, 1966).

2. АНТАЛ ГИДАШ

⟨Москва⟩ 23 марта 1931 г.

Детская литература без сомнения — самая важная, ею должны заниматься все пролетарские писатели. Я очень хорошо помню, какое впечатление и влияние произвела на нас чуждая, глупая буржуазная литература и сколько времени мы боролись против этого влияния. Я как пролетарский писатель обещаю написать для ребят о нашей жизни, о нашей борьбе и о наших желаниях.

Анатоль¹ Г и д а ш

Автограф. ИМЛИ, ф. 171, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

¹ Анато́ль — неточная форма имени Гидаша, принятая в советской литературе тех лет.

3. БЕЛА ИЛЛЕШ

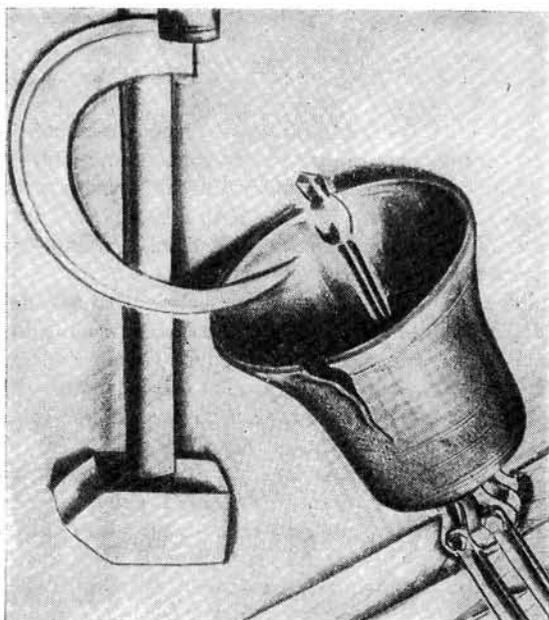
⟨Москва⟩ 20 мая 1933 г.

Дорогие товарищи,

Благодарю вас за ваше любезное напоминание. Постараюсь в течение июня написать рассказ для «Пионерской правды».

Конечно, это не очень много, но должен сообщить вам, что я являюсь секретарем комфракции МОРПа, членом редколлегий семи журналов, чле-

* Эти три письма представляют собой ответы на просьбу газеты «Пионерская правда» (с которой она обратилась тогда ко многим зарубежным писателям, жившим в эмиграции в СССР) писать для советских ребят.

«НОВЫЙ МИР»

Литография Гуго Геллерта

Из книги-альбома: «Comrade Gulliver, an illustrated account of travel into that strange country the United States of America» («Товарищ Гулливер, иллюстрированный отчет о путешествии в эту удивительную страну — Соединенные Штаты Америки»), (Москва), 1935

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ном Исполкома МОПРа, членом комиссии по чистке партии. Кроме того, и должен учиться, должен много читать, писать.

Вы ответите мне, что и другие товарищи много работают. Это верно. Однако, кроме недостатка времени, есть и другие причины, почему я не пишу для вас.

Я происхожу из буржуазной семьи, воспитывался в национально-буржуазном духе. Как видите, меня тяжело нагрузил господствующий класс. Но я нашел дорогу к пролетариату — уже 15 лет принимаю участие в его борьбе с капитализмом.

Я знаю пролетариат, но я не знаю пролетарских детей, я не знаю той жизни, которой они живут. Конечно, если писатель работает над каким-нибудь материалом, он должен его хорошо знать.

Если вы действительно хотите, чтобы я писал для нашей молодежи, дайте мне возможность познакомиться с тем, как и чем они живут. Я буду очень рад, если после Всесоюзного съезда советских писателей я смогу прожить несколько дней в пионерском лагере — не для проведения ряда докладов и политической пропаганды, но для изучения и знакомства с нашей молодежью. Я убежден, что после моего пребывания в лагере пионеров я смогу написать для ребят что-нибудь очень хорошее.

С комприветом

Бела И л л е ш

Машинопись с автографической подписью на бланке Международного объединения революционных писателей. ИМЛИ, ф. 169, оп. 1, ед. хр. 23, л. 1.